

И. М. БАДАЛИЧ

Юрий Крижанич — поэт Иллирии

Мало кому известно, что хорватский писатель XVIII столетия, «один из родоначальников идеи общеславянского сближения», Юрий Крижанич (1618—1683), еще до своего отъезда в Россию засвидетельствовал свой югославянский патриотизм в четырех лирических стихотворениях, опубликованных в 1652 г. в парадном трехтомном сборнике, который был подготовлен и издан немецким ученым, иезуитом Афанасием Кирхером (1601—1680).¹

В первом объемистом томе этого сборника (в шестом квартанте) напечатана своего рода вводная часть к этому изданию, а именно 27 панегириков («elogium») в честь императора Фердинанда III (1608—1657), сочиненных на различных языках того времени (латинском, греческом, итальянском, французском, португальском, английском, немецком, венгерском, чешском, иллирийском, халдейском, сирийском, арабском, древнееврейском, армянском, персидском, самаритянском, коптском, эфиопском, индийском, китайском, египетском). В двенадцатом панегирике опубликованы четыре стихотворения Юрия Крижанича, имеющие следующие заглавия:² 1) Duma. Narvacki.³ (В латинском переводе озаглавлено:

¹ Athanasii Kircheri e Soc. Jesu Oedipus Aegyptiacus hoc est Universalis Hieroglyphicae veterum Doctrinae temporum iniuria abolitae instauratio. Opus ex omni Orientalium doctrina et sapientia conditum, nec non viginti diversarum linguarum autoritate stabilitum. Felicibus Auspiciis Ferdinandi III. Austriaci Sapientissimi et Invictissimi Romanorum Imperatoris semper Augusti e tenebris erutum Atque Bono Republicae Literariae consecratum. Tomus I. Romae, Ex Typographia Vitalis Mascardi MDCLII. (Tomus: I (1652); II Partes 1—2, 1653); III (1654). 4°. Интересно, что сочинения А. Кирхера были известны в древней Руси и переводились (см.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 94, 182).

² И. В. Ягич в своей работе о Ю. Крижаниче, написанной к трехсотлетию со дня рождения (Jagić. Život i rad Jurja Križanića o tristogodišnjici njegova rođenja. — Djela Jugosl. akademije, knj. XXVIII. Zagreb, 1917, стр. 91—94), первый исследовал (стр. 91, 94) язык панегириков Крижанича в указанном сочинении А. Кирхера. Однако Ягич говорит здесь, что он не мог отыскать «Zbornik» ни в одной из венских библиотек и поэтому при разборе этих стихотворений Крижанича воспользовался текстами, опубликованными Е. Ферменджином в 1886 г. в «Starine Jugosl. akademije» (XVIII, стр. 226—229). Неудачу, постигшую Ягича в поисках сочинения Кирхера, которое, по всей вероятности, имеется в венских библиотеках в большом количестве экземпляров (Университетская библиотека в Загребе имеет два экземпляра: первый из библиотеки Зринских, второй — из библиотеки Ивана Драшковича в издании 1667 г.), надо объяснить тем, что Е. Ферменджин процитировал его весьма неточно; неправильно приведены Е. Ферменджином заглавия сочинения Кирхера; собственно говоря, основное заглавие сочинения отсутствует и, кроме того, не указан автор; год издания также неправильно указан. Поэтому Ягичу и не удалось обнаружить его в библиотеках Вены. Однако нас все же удивляет то, что Ягич не догадался о фамилии Кирхера, которому Крижанич в своих панегирических стихотворениях несколько раз возносит хвалу («Pisan. Starosloviniski, v. 3, 6—7; Davorije. Latinski, v. 7—8), называя его «Oedipus Aegyptiacus», т. е. Афанасий Кирхер.

³ Дума. По-хорватски.

Sarmen Pindaricum. Illyrice moderne); 2) Pisan. Staroslovinski.⁴ (В латинском переводе: Jambicum Bettinianum. Sclavonice antique); 3) Davogija Sarbski.⁵ (По латыни: Epos Heroicum. Modi et Stuli Sarbiaci); 4) Davorija Latinski.⁶ (По-латыни: Epos Heroicum. Modi Latini). Все эти стихотворения подписаны полным именем автора: Georgius Crisanius accipuit.

Указанные четыре стихотворения написаны Крижаничем с целью дать место в «хороводе» языков избранных народов того времени, выступивших с панегириками на собственных языках в честь «римско-немецкого» императора Фердинанда III, и иллирийскому народу в особом «Хвалебном приветствии Великому, всеильному, всеславному царю Хвердинанду Третьему...» («Napis pohvalni Golemomu, Presilnomu, Preslavnomu caru Hverdinandu Tretomu...» (Elogium XII)). Этот панегирик, писанный по-сербо-хорватски (кириллицей, латинским шрифтом), а также и по-латыни, своим общим заглавием «Illygia» в такой же мере, как и характерной эпиграммой в том же заглавии, явно указывает, что автор выступает здесь как представитель литературы иллирийского народа.

Из кого же состоит этот иллирийский народ Крижанича?

Об этом дают нам данные сами стихотворения Крижанича, написанные «по-старословенски», «по-хорватски» и «по-сербски». Между тем каждый из этих языков, как это установлено и В. Ягичем,⁷ является своего рода смесью различных славянских языков, что в особенности проявилось позже, во время создания Крижаничем единого славянского языка в «Грамматике».⁸

Все же и по содержанию и с точки зрения данных языка каждое из упомянутых стихотворений говорит от лица отдельного народа — «старословенского», хорватского и сербского — как составных народных единиц будущего этнического целого. Чаще всего и больше всего говорят едмляки Крижанича, хорваты, в хорватской «Думе», на языке древней хорватской литературы (в икавизме чакавского диалекта):

Vile, gorske kneginje,
Ke u kolo sastavše
Spivate divne pisni,
Nad studenci bistrimi
.....
Ičinu mi kazujte...

Второе стихотворение «Davogija. Sarbski», в котором православная часть иллирийской семьи славит защитника Иллирии — Фердинанда III, написано дикцией сербской народной песни, чтобы и этим внешним признаком отличать народную индивидуальность сербов от остальных «иллирийских» народов.

Kliknite mi silna cara, mila braćo i družino:
Naćni, More, Davoriju il ćuja zape(va)ti...

Третье стихотворение «Davorija Latinski», славящее императора Фердинанда от имени иллирийцев-католиков, написано александрийским стихом (икавско-чакавским диалектом) и отражает в своей языковой и поэтической фактуре поэтический способ выражения древней хорватской литературы (дубровницко-далматинской):

⁴ Песнь. По-старославянски.

⁵ Песнь боевая. По-сербски.

⁶ Песнь. По-сербски.

⁷ V. Jagić. Život i rad Jurja Krizanića..., стр. 94.

⁸ См.: Ю. Крижанич, Собр. соч., в. 1, М., 1891.

Augustali munificentia .
 planè digno .
 Cui simile Orbis non vidit .
 Vnde & Musa Illyrica
 Prorumpit in versus inauditos ;
 Carmineque Illyrico, modis
 Latinis colligato,
 Maiestatem Sacram.
 deuota veneratur .

D V M A
 Harvačli.

Vile, gorake kneginje,
 Ke u kôto sâhâvze
 Spivata divne pîsnî,
 Nad studençi bistriini ,
 Klimno vicnde ime
 Orpey Odrizkôh deo ye Kncz pevâça.
 Gdi mutna, rika Mariça,
 I virovita Strâmicâ,
 Sûbâdki leutr prijamze .
 Idu protivne ciste .
 Vile, ke iz visôçih
 Drive Rila varhova .
 žirôka Seidçâ grâda .
 I ztorbna pôlya .
 Razmirate ocima .
 Ilinu mi kazuite :
 Kodî su one gûsle ;
 Kîmî iz iâm martvacôh
 On svoiu, na svit billi ,
 Euridîku vediže ?
 Kîmî derlyive vuke,
 Divye medvide, i risè,
 Pokôrne li tvorâže .
 Kod vashi se hrâne ; il zašto
 Bôzi râzkôzno nyimi
 Svoie gudu popîvke ?
 Onih, onih ie meni
 Gôlemo ninye triba :
 Da slavim silna çara ;
 Da spômnim mudra mauxa ;
 Da pravim divno dilo .

CARMEN PINDARICVM
 Illyricè modernè .

Nymphæ, montana principes,
 Quæ in chorum sistentes
 Concinis gentiles hymnos :
 Lymphas supra feras,
 Quas nemus dedit æthereum .
 Odyssæum Orpheum principæ æolum,
 Habere vti amni turbidus,
 Stramonque verticibus,
 Omni utaine sumptis,
 Adarps abant vias .
 Nymphæ, quæ ab excelso
 Fronte Rhodopei iugis,
 Spaciosos Sardica terribis
 Et frugum feraces campos
 Dandelibus oculis .
 Vera mihi narrate :
 Phinam Lyra illa :
 Quæ ex cavernis inferum,
 Illa suam, ad lucem candidam,
 Eurydicem ducebat ?
 Quæ leniacus lupo
 Ferosque ursos, hincosque,
 Obsequiosos tenebat .
 Vebisse illa conditur ; an reuera .
 Dîj tacunde ad illam .
 Sua personant carmine ?
 Illa nunc, illa mihi
 Est vehementer opus :
 Vt celebrem sortem Casarem ;
 Vt manerem sapientem vîrum ;
 Ut narrem mirum opus .

Ni, čestiti caru, tvim dikam bilo dovoljno
 Ča se neizbrojnih glasom proslavljaše ljudi
 Tva kripost...⁹

Четвертое стихотворение «Pisan. Staroslovinski» написано смесью славянских языковых элементов (лексических и морфологических) и ближе всего примыкают к будущему «всеславянскому» языку Крижанича:

Silni nebesnim car opomenjen gibom
 Divna tvoriti jest povelil čudesa.¹⁰

Заявляет ли в этом стихотворении о себе древняя общность славянских народов или Крижанич этим стихотворением хотел и болгар втянуть в общий круг «иллирийских» народов? Последнее предположение кажется мне более вероятным, потому что языковый термин «staroslovinski» («serkovno-slovinski») (древнецерковнославянский язык) часто отождествлялся с «древнеболгарским» как колыбелью древнего славянства. О том, что Крижанича занимали мысли о болгарском народе, свидетельствует и хорватская «Дума», действие которой большей частью происходит в болгарской стране:

Gdi mutna rika Marica
 I virovita Strumica
 Susedski izvir prijamše
 Idu protivne ciste.
 Vile, ke iz visocih
 Drivate Rile varhova,
 Široka Sridca grada
 I žitorodna polja
 Razmirate očima...

Полагаю поэтому, что в общности «иллирийских» народов Крижанича на равноправных началах обрел себе место и болгарский народ.

Куда же исчезли словинцы?

Известно, что Крижанич и «краинцев» считал «иллирийским» народом. Между тем в данном случае он не посвятил им отдельного стихотворения, вероятно, по той простой причине, что не был искусен в словенском поэтическом мастерстве.

Следовательно, Иллирия Крижанича распространялась от Черного до Адриатического моря, охватывая всех балканских славян, от болгар и сербов до хорватов и словенцев.

Такой именно Иллирией и воодушевлялся Крижанич, умышленно подчеркивая ее этническое единство, в частности, в своем стихотворении («Musa Illyrica»), в своей песне («Carmen Illyricum») и в примечательной эпиграмме, поставленной Крижаничем как своеобразное заглавие к его четверем панегирикам. Вот текст ее:

Epigramma Pros phoneticum
 Augustissimo Teroptimoque Caesari:

Illyria

Vitam precatur,
 Pacem gratulatur,
 Victoria ominatur:
 Hoc in Opere
 Augustali munificentia plane digno,
 Cui simile Orbis non vidit.

⁹ Не довольно, царь светлейший, было тебе похвал,
 Что восславилась голосами множества людей
 Добродетель твоя...

¹⁰ Мощный небесным царь увещан знаменьем,
 Дивные сотворять повелел чудеса.

DAVORIJA

Latinski.

Ni cestiu čaru, tvim dikam bito do-
volyno,
Ča se neizbrojnih glasom proslavljazę
tyudi
Tva kripost: iur i tvrdo zvonu tva ime
na skalye,
I studene stine daju mūdrosti sloveľa.
Kih, pokoli litnih dvi tisuća Sunčo okru-
gov
Obtece, viklaši mūdrač nemoga se ie-
diniš
Sam Atenās ova cuda tvori: sam
pameti silom
Iskre nāvakov iz kamena kruzę bogato.
Na perutih, hvāšę čarovo pako sme vi-
soko
Priš gōe, i priko mōra letę, i nebela do-
sixe.
Iur mos kobza muč: ali hōt nevftane
xeliti.
Čestito mnoga lita čvati, šlavi, ime go-
lemo,
Vikuy, premagay, vladay, bud strazao
protivnim.

EPOS HEROICVM

Modi Latini.

Non erat, o felix Caesar, tuis glorijs satis,
Quod innumerorum vocibus predicabatur po-
pularum
Tua virtus: iam & dura sonant tua nomina
saxa,
Et gelida cætos edunt sapientia verba.
Quo, ex quo duo millia annuorum Sol circui-
tuum
Percurrit, sapientum nullus valuit explanare;
Solum Albanasus hæc miranda facit: solus in-
genij vi-
Scintillas doctrinarum ex lapide exemit capiose.
At Casareum, super alas laudis, nomen subli-
ma
Trans montes, trans maria volat, & fides con-
gre.
Langua mea cithara stetit: animus vero vo-
vereron desini:
Perfudit multos annos stare, claræq; nomina
ingens,
Perennis, triumphæ, regna, inimicis esto tre-
mendum.

Georgius Crisamus accinuit.

EIVSDEM

AD TURCOS

Allocutio Turcica pro huius libri lectione.

Bu dunjadę dogurtlikten ey maldarlük joktur,
Allah tala adamlarâ jalmæz oni uerür.
Brë siz järer Otmaniler acinæz gjozleri:
Ve bakænez bu kitâbde akıldar fozleri.
Bundâ vardur hak Tangridea hep tamam bilmeklik:
Her kim bunî okürisla, onün dur dogurtlik.

In hoc Mundo pro veritate melior thesaurus non est,
Deus bonus hominibus illum solum largitur.
Hæus vos martialis Otmanida aperite oculos:
Et discipite in hoc libro sapientia verba.
Hic adest de vero Deo sincera notitia:
Quisquis hunc librum perlegerit, is veritatem tenebit.

ELO.

Unde et Musa Jlyrica
 Prorumpit in versus inauditos;
 Carmineque Jlyrico, modis
 Latinis colligato,
 Maiestatem Sacram devota veneratur ¹¹

Эта Иллирия, видение Крижанича, занимает те славянские пространства Балкан, которые возбуждали мечты великого времени Симеона Болгарского, Душана Сербского и Томислава Хорватского, а потом и первых предшественников идеи общеславянского сближения — Винка Прибоевича (в сочинении: *De origine successibusque Slavorum. Venetiis 1532*) и Мавра Орбини (в сочинении: *Il regno degli Slavi, hoggi corrotamente detti Schiavoni. . . E in particolare veggonsi i successi de Rè che anticamente dominarono in Dalmatia, Croatia, Bosna, Servia, Rassia & Bulgaria. In Pesaro, 1601*).

В связи с этими мечтами возникла, по всей вероятности, и концепция Иллирии Крижанича; при этом следует добавить, что во время Крижанича в паруса его фантастического корабля попутный ветер подул и из папского Рима. Нужно было во что бы то ни стало дать отпор захватническому натиску Османской империи на христианские просторы Балкан. Этот натиск со времени Косовской катастрофы становился все более опасным на северных и западных рубежах югославянских народов (хорватов и словенцев) — западноевропейской культурной периферии тех веков. Стало быть, по весьма понятной причине в Риме смотрели с явным доброжелательством на мысль о создании некоей определенной государственной формации буферного характера между Римом и Стамбулом, хотя бы и в виде южнославянской Иллирии. А что идея этой государственной формации, созданная на Балканах, имела именно такой антиосманский характер, достаточно ясно, по-моему, и из того особого, до сих пор не замеченного кратко замечания Крижанича, которое он добавил, по-турецки и по-латыни, сразу после своей подписи (под его стихотворениями) в панегирике XII. Тут он увещевает турок открыть глаза («aperite oculos»), познать истинного бога и прочесть в этой книге правду и мудрость. Вот текст этой аллюзии:

Eiusdem
 ad Turcos
 Allocutio Turcica pro huius libri lectione.¹²
 Bu dunjade dogurlikten ey maldarluk joktur.
 Allah tala adamlara jalnaez oni uerur.
 Bre siz jarer Otmantiler acimaez gjozleri.
 Ve bakaenaez bu kitabde akildar sozleri.
 Bunda vardur hak Tangriden hep tamam bilmeklik:
 Her kim buni okurisa, onun dur dogorlik.

¹¹ Эпиграмма созвучная
 августейшему Предобрейшему кесарю:
 Иллирия

молит о жизни,
 поздравляет с миром,
 предвещает победу:
 в этом труде,
 явно достойном августейшей щедрости,
 коему подобного вселенная не видала,
 откуда и иллирийская муза
 устремляется неслыханными стихами;
 и иллирийской песнью,
 составленной на латинский лад,
 преданно почитает Священное Величество.

¹² Его же
 к туркам
 обращение по-турецки в пользу чтения этой книги.

Внизу этой аллокуции на турецком языке (латинским шрифтом!) Крижанич добавил и латинский ее перевод:

In hoc Mundo prae veritate melior thesaurus non est,
Deus bonus hominibus illum solus largitur.
Neus vos martiales Otmanidae aperite oculos:
Et dispicite in hoc libro sapientiae verba.
Nunc adest de vero Deo sincera notitia:
Quisquis hunc librum perlegerit, is veritatem tenebit.¹³

Поэтому вполне понятно, что в числе двадцати языков, на которых написаны панегирики Кирхера, нет панегирика на турецком языке. Кирхер и Крижанич определенно шли в ногу с Римом, которому на Балканах объявился мощный соперник в виде агрессивного ислама.

Явилось ли это отражением сотрудничества Кирхера с Крижаничем, их полного единомыслия на почве римско-католической идеологии? Я полагаю, что нет.

Во время работы над своей книгой Кирхер еще не ощущал тягостей турецкого владычества на немецкой земле. Антиосманство его могло являться лишь отражением генеральной стратегии папского Рима, собственно говоря, той атмосферы в Римской коллегии (*Collegium Romanum*) в период 30—40-х годов XVII столетия, когда он был профессором. В то время в той же коллегии находился и воспитанник Конгрегации — будущий католический миссионер Юрий Крижанич. Когда же Кирхеру понадобился балканский сотрудник для своего предприятия, глаз его легко подметил выдающегося Крижанича. Таким образом, вероятно, и образовалось сотрудничество Крижанича и Кирхера в сочинении «*Oedipus Aegyptiacus*».

Иное основание имела, по всей вероятности, антитурецкая настроенность Крижанича, отразившаяся в его идее Иллирии. Крижанич хорошо видел следы турецкого ига на всем пространстве своей Иллирии. Известны ему были, между прочим, и столетние поэтические сетования знаменитого хорватского поэта Марка Марулича (1450—1524), который с целью обороны от нашествия турок (даже на берега Адриатического моря) уже в конце XV и в начале XVI столетия просил помощи против турок у римского папы Адриана VI.¹⁴ Сам же Марулич был мирянином, но «*commune periculum communibus armis propulsandum erat*».

На таком психологическом фоне, который в то время рано или поздно должен был принять и национально-политическую окраску, зародилась, вероятно, у Крижанича идея создания христианской Иллирии, которая либо самостоятельно, либо при помощи Рима могла бы оказать сопротивление сильному турецкому напору на Балканы в XVII столетии. Вот почему, кажется нам, что на идеи Крижанича в большей мере повлияли национально-политические интересы югославянских народов, нежели религиозно-политические указания Рима и его Конгрегации пропаганды (*Congregatio de propaganda fide*).

¹³ На этом свете нет сокровища лучше правды, один только всеблагий бог уделяет это людям. Горе вам, воинственные турки, откройте глаза и заметьте в этой книге слова мудрости. Здесь имеется искреннее познание истинного бога всякий, кто эту книгу прочтет, будет держаться истины. •

¹⁴ *Epistola Domini Marci Maruli Spalatensis ad Adrianum VI. Pont. Max. de calamitatibus occurrentibus et exhortatio ad communem omnium Christianorum unionem et pacem. Romae, 1522.* Таким же боевым духом против турок пропитаны и его стихи, написанные по-хорватски: «Молитва против турок» («*Molitva suprotiva Turkom*»), «Плач града Иерусалима» («*Tuzenje grada Hjeruzolima*»), «Юдифь» («*Judita*»), а также и латинское сочинение «*De ultimo Christi iudicio*».

В пользу такого понимания можно было бы привести и упреки Ю. Крижаничу со стороны Конгрегации, а также со стороны загребского епископа Бенедикта Винковича. Эти упреки направлялись по адресу миссионера Юрия Крижанича потому, что он-де посланник Пропанды, слишком много уделяет интереса вопросам национально-политическим и чрезмерно слабо заботится об интересах религиозно-миссионерских, в частности среди балканских «схизматических» народов, к которым был послан Крижанич для борьбы против «схизмы». Этой роли Крижанич не выполнял так, как этого желало его церковное начальство,¹⁵ вот почему в нем так же нам следует видеть скорее национального деятеля и патриота, нежели миссионера и агента римской Пропанды. И с этой точки зрения можно согласиться с оценкой личности Крижанича, данной Ягичем. «Для Рима был он слишком ярко выраженным славянским националистом, в нем признавали огромные дарованья и увлечение миссионерской службой, но побаивались, как мне кажется, его чрезмерно пламенной любви к славянским делам вообще и к русским в частности».¹⁶

Как бы то ни было остается фактом, что Крижаничева концепция общности южнославянских народов в виде его Иллирии, зарисованной в четырех стихотворениях (панегирики 1652 г.), не зависимо от того, возникла ли она в результате сходных стремлений Рима или нет, является своего рода идейно-политической предтечей того достопримечательного южнославянского культурного и политического движения, которое двести лет спустя в «иллирийских» идеях Гая, в равной мере как и в позднейших югославянских замыслах Штроссмаера, будет воодушевлять более передовые хорватские и югославянские умы XIX столетия.

¹⁵ Jagić. Život i rad Jurja Križanića..., стр. 214.

¹⁶ Там же, стр. 214.